

треть XIII в. (*свободь*), №419, 1290-е–1300-е гг. (*свободихомоса*), а вариант с *л* — в №535, 2 пол. XIV в. (*слободу*). В Новгородской 1-й летописи *слобод-* впервые фиксируется под 1397 г. в Комиссионном списке младшего извода (*Двиньской слободѣ*, в Академическом списке — *свободѣ*), тогда как до этого под 1196, 1229 и 1333 г. представлено *свобод-* (в двух первых случаях — также в Синодальном списке). XIV в. датируется и Сильвестровский сборник, в котором представлен древнейший в книжной письменности Новгорода пример *в слободѣ* (Сказание о Борисе и Глебе, Слов. XI–XVII, 25: 91). В московских грамотах *слобода* появляется начиная с духовной Дмитрия Ивановича 1389 г. Как видим, форма *Слепеткову* в №417, 2 четв. XIV в., хорошо встраивается в хронологию процесса, какой она выглядит по данным берестяных грамот; при этом она незначительно опережает появление варианта *слобод-* в других источниках, что позволяет видеть в ней наиболее ранний пример перехода *в > л* в данных фонетических условиях.

№ 430 (80-е гг. XII – нач. XIII в.; Б 132) [Г]. В издании и ДНД текст грамоты, состоящей из двух фрагментов, записан в виде двух оборванных строк:

Ѡ хоритана ко моисе[ю] ...
оже ти иване не дале бу...

Такая запись не учитывает весьма необычного расположения текста на берестяном листе, разделенном на две части косой чертой, хорошо видимой в нижнем правом углу первого фрагмента. Слева от этой черты во второй строке оставлено пустое место, а находящаяся справа от нее в первой строке буква *а* (последняя на строке в первом фрагменте) подскочила над уровнем предшествующих ей букв почти на всю свою высоту. Это означает, что текст грамоты был записан в два «столбца», а следовательно, лакуна после имени адресата отсутствует. Начало письма прочитывается, таким образом, без разрыва: Ѡ Хоритана ко Моисе[ю]. Оже ти Иване не дале бу[де] ...

Во втором фрагменте прочитывается [г]рвну се..., что, с использованием букв после косой черты в первом фрагменте, дает следующее начало второго столбца: А [в](озьми) [г]рвну с[е][р[е](бр)[а] оу ... Конъюктура *возьми* в точности соответствует размеру лакуны, который устанавливается после прочтения слова с[е][р[е](бр)[а].

Оказывается, таким образом, что второй столбец заключал в себе прямое продолжение первого. Текст в целом гласит: ‘От Хоритана к Моисею. Если окажется, что Иван не дал ..., то возьми гривну серебра у ...’. Утраченная нижняя часть грамоты содержала, по-видимому, всего одну строку: неизвестным остается только сумма, не отданная Иваном, и имя лица, у которого Моисею предписано взять гривну серебра.

В новом прочтении грамота №416 оказывается уникальным пока свидетельством того, что внешнее оформление берестяного письма может отражать его логическую структуру. Автору грамоты ничто не мешало записать текст обычным образом, как написаны сотни других берестяных писем. Но он поступил иначе: разделив лист пополам косой чертой, написал в левой части адресную формулу и формулировку возможного положения дел, а в правой — предписание адресату, что предпринять в этой ситуации. Подобным образом организованы современные технические инструкции в разделах «возможные проблемы и пути их решения».

Приведем полностью исправленную транскрипцию грамоты:

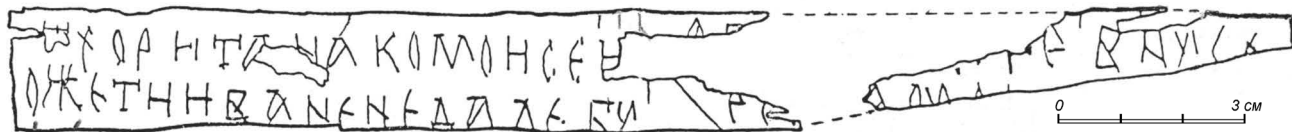
Ѡ хоритана ко моисе[ю] оже ти иване не дале бу [де] ...	[а] [в](озьми) [г]рвну се р[е](бр)[а] оу ...
---	---

№ 430 [3]. В дополнение к сказанному выше отметим, что правый фрагмент грамоты сохранил как правый край всего документа, так и часть верхнего края; необходимо только повернуть этот фрагмент относительно основной части грамоты на определенный угол. После этого становится видно, что строки второго столбца располагались несколько выше строк первого столбца.

Автор вначале ограничил первый столбец вертикальной чертой (высотой примерно в полторы строки) — вероятно, после того, как написал адресную формулу. И ровно до этой черты доведена вторая строка. Но затем автор по какой-то причине решил отделить второй столбец другой чертой — косой.

Судя по тому, что на верхнем краю грамоты видны кончики букв другого текста, грамота была отрезана от предыдущей, написанной на том же листе.

Прорись, опубликованная в НГБ-VII, в ряде отношений несовершенна. Приводим новую прорись грамоты № 430.

№ 437 (1190-е – 1200-е гг.; Б 115) [Г]. *Вохе* в третьей строке исправлено из *вехе* (вряд ли наоборот: правая дуга буквы *о* прочерчена глубже, чем левая, и буква в целом воспринимается как *о*, а не как *е*).

№ 450 (XII в.) [Г]. В издании о грамоте сказано: «Это вырезанный из начатой, но недописанной грамоты кружок бересты диаметром 4,9 см». Текст передан и прокомментирован следующим образом:

се азъ и л---

д

«Се азъ Ил...» — обычная формула начала духовных грамот: «Се азъ (имя рек), отходя живота своего...», и т. д. Здесь, судя по первым буквам имени, автором текста мог быть Илия, Илиодор, Иларион и т. п.» (НГБ-VII: 51).

На новом снимке видно, однако, что штрих, трактованный издателями как левый склон от *л*, является в действительности царапиной, каких на поверхности кружка немало. При этом буквы *с* и *и* в первой строке одинаково отстоят от края, а *д* во второй строке написано с отступом влево. Это заставляет решительно пересмотреть характеристику документа: перед нами не кружок, вырезанный из недописанной грамоты, а недописанная надпись на кружке, начинающаяся словами: *Се азъ ид...* (или *Се азъ и д...*).

С первым вариантом словоделения текст продолжает напоминать начало духовной грамоты; однако писать духовную на пятисантиметровом кружке бересты никто бы, конечно, не стал. Более перспективным кажется второй вариант словораздела. Он позволяет увидеть в надписи начатую новозаветную цитату: «**Се азъ и дѣти**, яже ми далъ Богъ» (Евр. 2: 13)⁹. В святоотеческой традиции эти слова, в Новом завете произносимые Христом, становятся формулой, выражающей духовную ответственность пастыря за своих чад. В этом качестве мы находим их и в рассказе Киево-Печерского патерика о св. Феодосии Печерском: «И глаголаше святыи к себѣ Феодосие: «Приложу ко трудом труды и къ подвигомъ подвигы. Како явитися своему Владыцѣ, стада его добре не упася? Како ли речеши: “Се азъ и дѣти, яже ми дал, Боже”?»» (БЛДР, 4: 340). Более удаленную от непосредственного источника вариацию той же темы содержит и Несторово Житие Феодосия: «Бысть же родителема блаженаго преселитися въ инъ градъ Курьскъ нарицаемый, князю тако повелѣвъшыю, паче же реку — Богу сице изволившыю, да и тамо доблягаго отрока житие просияеть, намъ же, якоже есть лѣпо, от вѣстока дньница възидеть, събираючи окръсть себе ины многы звѣзды, ожидаючи солнца правдѣнааго, Христа Бога, и глаголюща: «**Се азъ**, Владыко, **и дѣти яже** въспитахъ духовьнымъ твоимъ брашьнымъ; и се, Господи, ученици мои,

⁹ Данное место из Послания к евреям в свою очередь цитирует Книгу пророка Исаяи (8: 17): «Вот я и дети, которых дал мне Господь, как указания и предзнаменования в Израиле от Господа Саваофа, живущего на горе Сионе». За богослужением этот стих поется в составе Великого повечерия, в последовании которого, однако, он не занимает положения, которое оправдывало бы его отдельную запись на бересте в мнемонических целях.